

ТАТЬЯНА КАЗАРИНА МИР КАК ТЕКСТ, ИЛИ ЗАЛОЖНИКИ ЗАМЫСЛА

Все мы, конечно, догадываемся, что писательское ремесло - трудное. Потому, в частности, что литературные персонажи, как ни странно, народ не только самостоятельный, но и довольно своеобразный. Ведь все помнят, как всемогущий Пушкин жаловался, что его обманула Татьяна Ларина, "выкинула шутку" - вышла замуж против его писательской воли. И тому подобное, много ещё есть хрестоматийно известных историй о самоуправстве литературных героев... Поэтому писателей принято слегка жалеть, непростая у них жизнь...

Но почему-то всё интереснее смотреть на вещи с противоположной позиции, со стороны персонажа... Так ли уж приятно всегда находиться во власти автора, слепо подчиняться чужим решениям, следовать любимым, иногда непонятным, а иногда и смертельно опасным предписаниям?! Что это за жизнь, если и замуж нельзя выйти без его указания... И ведь невозможно угадать, что он с тобой сотворит в следующий момент для красоты сюжета. Если он, как всякий настоящий литератор, ради красноты слова не пожалеет ни матери ни отца, то неужели он тебя, простого персонажа, помилует?

Эти попытки побывать в шкуре литературного героя перестали казаться такими уж праздными с тех пор, как распространялось убеждение (очень популярное в наши дни), что наш мир - своего рода текст, включающий в себя в числе всего прочего - нашу историю (мою, твою, его) - и историю своего автора-творца, который "применяет" нас так или иначе согласно своему замыслу. Если так, то все мы - персонажи, и наши отношения с автором - это то, что в прежние времена трактовалось как связь с Провидением, Судьбой, Богом.

(Я могу только предполагать, что дает такая тотальная смена наименований. Видимо, ощущение некоторой объяснимости и целесообразности происходящего с нами: ведь мы, хоть и смутно, но представляем (или мним, что представляем), как строится литературный текст, по каким

правилам ведётся игра автора и персонажа. Смысл происходящего не полностью скрыт от нас, и мы власти совсем уж непознаваемой и непостижимой нечеловеческой воли). Но что же выходит? Значит, и Пушкины, и Томасы манни - тоже персонажи? Но ведь они явно претендуют на роль авторов! Вот эта фигура писателя-персонажа крайне симптоматична для современной литературы. Такой герой как ходячий вопросительный знак - обязан привести нас к ответу: что в человеке значимее, сильнее - собственная воля, ведущая его по жизни или начало подчинения иной воле. Что в первую очередь: властен он или подвластен? До какой степени? Даже если его ведут по жизни, то почему не могут обойтись именно без него? В чем таком он незаменим?

Герой романа Леонида Гершовича "Обменные головы" все больше и больше убеждает, что необыкновенные события его жизни "подстроены", что и смерть его матери, и его собственные скитания по странам и континентам санкционированы нечеловеческой волей. Как человек, он готов подчас ей противиться. Но как писатель, он не способен не вдохновиться красотой сюжета, не способен отплыивать от творчества.

Иозеф Готлиб "впутан" в сюжет совершенного детективного: он нападает на след одной загадки, которая лично его касается. Узнает случайно, что его знаменитый дед-скрипач выжил, когда его все считали погибшим. Выясняет, как это произошло, - и сталкивается со многими неожиданностями, которые заставляют "переписать" уже не только историю своей семьи, но и - историю европейской культуры. Совершенно одиноким человек, настолько одинокий, что из-за этого чуть не кончает с собой (нелепая случайность спасла), он убеждается в своём "родстве" со многими известными людьми, историческими событиями. Из сироты и

изгой он превращается в "наследного принца" культуры.

Перед нами детектив, со всеми жанровыми признаками, но только детектив в квадрате, с удвоенной порцией детективности. Обычно тот, кто выступает в роли следователя, должен вычислить преступника, но мало озбочен личностью заказчика, если так можно назвать рамках детективного романа заказчик и характер задания - устойчивая величина. Как должно быть устойчиво всё, что не связано с тайной преступления. Тогда, обнаружив преступника, следователь сможет вернуть равновесие в этот покачливый мир.

Вопрос "кому это выгодно?" возникает в одном только смысле: кому выгодно убийство или другое преступное деяние, но никогда: кому выгодно расследование? Иозефу Готлибу одинаково важно и то и другое. Он никогда не подозревал, что у него есть мощная поддержка. Правда должна стать известна, для её обнаружения и обнародования "употреблен" он. Но, сбежавший от двух "тоталитарных систем", он не намерен быть пешкой в чьей бы то ни было игре и упорно пытается понять логику своих невидимых покровителей. Таким образом, он распутывает сразу две интриги, и даже больше: ведь важно ещё понять, как они

захватывающего сюжета: в ней есть дух и аромат творчества, где рядом с закрутыми интригами (а даже они в артистических кругах обладают некоторым

артистическим же, очарованием) присутствуют ощущение своей осесненности, выделенности, предназначенности. Театральный восторг, театральное вдохновение, намерное, складывается (и на сцене и в зале) из двух противоположных вещей: из понимания природы происходящего, подготовленности к тому, что увидишь и услышишь, и - ощущения нежданности, когда уже знакомое пленяет новизной. Цена-тель - знает всё и ничего не знает. И одинаково счастливы тем и другим. И такое отношение у Готлиба не только к оперным спектаклям, а ко всему, к жизни.

Там, на сцене, оркестранты нередко позволяют себе расслабиться во время паузы. Они иронизируют по поводу дирижера и публички, или рисуют картинки в нотах, или обмениваются шуливыми знаками - шалят кто во что горазд. Но, зная оперу наизусть, не перестают чувствовать красоту музыки, заслуживать особенно сильными кусками, любить те или иные партии.

С.Богуславский. "Слепы"

Точно так же, превращаясь в рядовую несценическую фигуру, Готлиб вправе скучать, молчать, томиться, заниматься ерундой. И он всё это себе позволяет. Но всё, что Творцу особенно удалось, то, что красиво, остроумно, многозначительно, необычно в том или ином отношении, - всё это тут же вызывает талантливый отклик незаурядного человека.

Мир один и тесен - тесной звуковой ряда, где звуки не толкаются, а ждут друг друга, предусматривают друг друга, предусматривают судьбы сходящая, и в точке их встречи становится виден исходный, вышедший, если хотите, замысел.

Что к нему подводит?

Творческое вдохновение талантливого импровизатора. В этом качестве Готлиб и понадобился судьбе. В этом качестве он взят ею не просто в исполнители, и даже не только в напарники, а скорее - в соавторы, и благословлен на дальнейшее самостоятельное творческое существование.

Вот здесь и становится ясно, в каком отношении именно он был незаменим, почему ему отдано предпочтение перед другими возможными избранными судьбы. Причина - дар импровизатора, способного прозревать внезапно, осесть в тот момент, когда парализовано бы от страха (другого). Провидение ищет таланты. Творец предпочитает творцов.

Не так важно для Готлиба, где и когда умер его дед (он так этого и не узнает), но не подчиниться власти чьего бы то ни было творческого порыва он как художник не способен. Противостоять опасности может, насилию - может, вдохновению судьбы - не способен.

Жизнь как текст - сценарий, партия - это оттик нечеловеческого вдохновения, она заставляет страдать - как драма, смаковать свои ощущения - как лирическое стихотворение, азартно искать виноватых - как детектив. Она для тех, кто это умеет и в этом понимает.

Но пример Автора заразителен, и у самых талантливых актеров нередко появляется желание самим поставить спектакль. Поставив точку в своих поисках, Готлиб рад не победе, не тому, что послужил правому делу, а тому, что служба окончена, он независим, и наконец-то вступает в про-странство своей судьбы, где ничей промысел над ним не властен. Где он сам себе хозяин.